

«Крым» (Симферополь), 1888, 26 июня, № 45

с. 2-3.

ЗАМѢТКИ ЧИТАТЕЛЯ.

«Сверный Вестник», Июнь, 1888 г. и «La gazette Franco-Russe» 10/22 juin, 1888 а.

Мы живемъ въ довольно тяжелую и трудную эпоху. Предмущее поколѣніе, благодаря своей энергіи и дѣятельности, перевернуло вверхъ дномъ рѣшительно все, что раньше стояло довольно чинно и прилично и давало тонъ жизни, оно поразбивало и поопрокидывало не мало нашихъ кумировъ, которые служили свѣточью нашей жизни, оно затронуло самую нашу жизнь, ея значеніе, смыслъ и цѣль, поставило массу неловятныхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ и затѣло... скрылось. Со всѣмъ этимъ хаосомъ, со всѣмъ этимъ мусоромъ, со всѣми этими вопросами, оставшимися намъ въ наслѣдство, приходится теперь возиться намъ, а силъ-то и энергіи у насъ куда какъ мало, въ наслѣдство-же мы изъ этого богатства ничего не получили, потому что то, что

было, все потрачено на разрушеніе ветоши и вотъ мы стоимъ въ недоумѣніи, не зная что дѣлать и какъ дѣлать быть намъ съ собственнымъ существомъ, лишь хнычеть и хнычеть. Жить по старому теперь ужъ нельзя во 1-хъ по тому, что даровой крѣпостной трудъ ухнулъ и ухнулъ навсегда—это раздѣ, а во 2-хъ и стыдно какъ-то стало жить на шерака, къ труду-же мы не привыкли.—Какъ, спрашивается, выйти изъ этого положенія? Нѣмать, выдувавшій дуну и доставившій намъ такое большое удовольствіе по части поэзіи, и здѣсь явился къ намъ на выручку: Шопенгауэръ съ новой силой и энергіей заявилъ, сидя въ роскошномъ кабинетѣ за чашкой кофе, что жизнь смысла не имѣетъ, и что жить молъ не стоитъ. Мы ухватились за эту мысль, какъ за лкорь спасенія, бросили всякую работу, подняли довольно высоко свой носъ, пошли философствовать о бессмыслицѣ жизни вообще и въ то-же время жить во все свое удовольствіе, занимаясь исключительно своей утробой. Такихъ тупейдцевъ-резонеровъ расплодилось у насъ на Руси большое обиліе; на нихъ ужъ было обращено вниманіе текущей литературой, и г. Чеховъ, въ своемъ рассказѣ «Огни», помѣщенномъ въ Юньской кн. «С. В.», снова затронулъ это большое наше мѣсто.

Въ роли такого резонера у г. Чехова фигурируетъ молодой студентъ баронъ фонъ-Шгенбергъ, который, смотря ночью на огни, разсыпанные по стени, гдѣ проходила желѣзная дорога, и строилась гродная насыпь, имѣлъ неосторожность

сказать строителю всего этого инженеру Ананьеву, что эти огни вызываютъ въ немъ «представленіе о чемъ-то давно умершемъ, жившемъ тысячи лѣтъ тому назадъ, о чемъ-то въ родѣ лагера амалекитивъ или филистимлянъ... которые когда-то жили на этомъ свѣтѣ, вели войны, играли роль, а теперь ихъ и слѣдъ простылъ. Такъ и съ нами будетъ», замѣтилъ онъ, «и черезъ какихъ-нибудь тысячи двѣ лѣтъ и отъ этой пачины и отъ этихъ людей, которые теперь спать послѣ тяжелаго труда, не остантся и пыли. Въ сущности это ужасно», закончилъ молодой человекъ. Этихъ нѣсколькихъ словъ было достаточно Ананьеву для того, чтобъ заволноваться, разсердиться, назвать всѣ эти мысли о бренности и ничтожествѣ, о безцѣльности жизни и т. д., апафесскими мыслями и такой способъ мышленія несчастнымъ способомъ, а затѣмъ рассказать одну маленькую эпизодъ изъ собственной жизни, который долженъ быть убѣднѣ колодаго человека, что такой способъ мышленія есть дѣйствительное несчастіе. Сущность этого разсказа заключается въ слѣдующемъ. Ананьевъ, вскорѣ послѣ окончанія курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, отправился на Кавказъ и, пробѣдомъ, остановился въ одномъ приморскомъ городѣ, гдѣ онъ родился и выросъ. Послѣ столичной жизни, жизнь въ этомъ городѣ показалась ему мизерной,—отъ всего дышало грустью, но тѣмъ не менѣе, онъ не переставалъ интересоваться всѣмъ, что тамъ было, и что онъ раньше зналъ. Такъ разъ онъ забрелъ въ одну рощицу, извѣстную подъ названіемъ

емъ «Карантина», и здѣсь остановился въ бесѣдѣ, которую очень любилъ въ дѣтствѣ. Бесѣдка эта стояла на краю берега, подъ самой кручей, и съ нея открывался роскошный видъ на море. Онъ сѣлъ на скамейку и протѣя созерцанію окружающаго и воспоминанію прошлаго. Озираясь кругомъ, прислушиваясь къ тихому журчанію волнъ морскихъ, онъ почувствовалъ скуку и небольшую грусть; а тутъ кстати въ головѣ ронялись модныя мысли о безцѣльности жизни, такъ что скука еще больше увеличилась, но это нисколько не мѣшало, если не способствовало ему, при видѣ появившихся вблизи гимназистовъ, возбуждать въ себѣ самыя нескромныя мысли и желанія: «Вообще», говоритъ онъ, «надо сказать, а былъ мастеромъ комбинировать свои высокія мысли съ самой жизненной прозой». Его сладострастно-меланхолическія мысли были вдругъ прерваны появленіемъ въ бесѣдѣ женщины, въ полномъ цвѣтѣ физическихъ силъ, которая, вошедши въ бесѣдку и почти не обративъ вниманія на незнакомаго, остановилась у перилъ и такъ предалась созерцанію красоты природы. Всѣ мысли и чувства А.—а отъ гимназистовъ перелетѣли мгновенно на вшедшую женщину, и онъ, оглядывая ея красивую талію и руки, подумалъ: «вотъ съ этой-бы сойтись»... Такого рода пожеланія заставили его заговорить съ ней и потомъ оказалось, что эта его старинная знакомая, знакомя еще съ гимназической его жизни, когда онъ и всѣ товарищи поклонялись ей, какъ божеству, и, благословя передъ ней, называли ее Кисочкой.

Вотъ работа

Она была уже замужемъ, но семейной жизнью похвалиться не могла. Конечно, приобщилась старина, и разговоры пошли безъ конца. Она пригласила его къ себѣ, гдѣ онъ просидѣлъ до позднего часа, и отсутствіе мужа не мало способствовало уюту. Мужъ, однако, скоро возвратился съ товарищемъ, возвратился пьянымъ и совѣтъ не заинтересовался узнать, что это жена такъ долго не спитъ, и кто это съ ней такъ засидѣлся. Но А. поспѣшилъ, однако, уйти домой въ городъ и, пытаясь понасть на дорогу, забрелъ опять въ бесѣдку, гдѣ предался рамышлениямъ о случившемся, а кстати о бессмыслицѣ жизни и тутъ началъ дремать, но его разбудилъ шелестъ въ аллеѣ и потомъ появленіе... рыдающія Кисочки, которая не вынесла тираническаго обхожденія съ ней мужа и ушла изъ дому. Жить больше съ мужемъ для нея оказалось невозможнымъ, она рѣшилась уйти домой, къ матери, въ городъ, и попросила Аваньева провести ее. Тотъ согласился и въ городъ завлекъ ее прежде къ себѣ на квартиру, гдѣ соблазнилъ ее, не дерзая на себя действительно несчастнымъ положеніемъ, затѣмъ провелъ къ матери, общался на слѣдующій день, видѣлся съ ней, а на слѣдующій день онъ укатилъ изъ города, желая возможно скорѣй освободиться отъ несчастной женщины, предполагавшей, что онъ въ дѣйствительности любитъ ее. Въ пути-же, по желѣзной дорогѣ онъ чувствовалъ какую-то неловкость, совѣсть заговорила въ немъ, и онъ началъ терзаться и мучиться, когда понялъ, что онъ солгалъ, что онъ за птица, и чего стоять

тентнаго въ юридическихъ вопросахъ.

всѣ его высокія мысли. «Теперь», говоритъ онъ, «счастливаюсь, я понялъ, что у меня не было ни убѣжденій, ни опредѣленнаго нравственнаго кодекса, ни сердца, ни разсудка... Свою ненормальность и круглое невѣжество я понялъ и оцѣнить, благодаря несчастью. Нормальное-же мышленіе началось только съ того времени, когда я принялся за азбуку, то есть когда совѣсть погнала меня назадъ въ N, и я, не мудрствуя лукаво, показавъ передъ Кисочкой, выложилъ у нея, какъ мальчишка, прощенье и полагать вѣстѣ съ ней». Но этия разговоры Аваньева ни въ чемъ не убѣдили студента и не переѣхали его цѣлснаго настроенія. «Все это ничего не доказываетъ и не объясняетъ», сказалъ онъ А.—у: «и все это одно только толченіе воды въ ступѣ. Никто ничего не знаетъ и ничего нельзя доказать словами». Тѣмъ и кончились всѣ разговоры; на этотъ собственно окончился разговоръ г. Чехова.

Другой оригинальный разговоръ г. Засодимскаго: «Письма сына», затрагиваетъ тоже довольно живой и интересный предметъ—это нашу распатланую семейную жизнь; разсказчикъ уклонился въ сторону, заговорилъ о своей студенческой жизни, о своихъ начальныхъ работахъ на литературномъ поприщѣ, наговорилъ очень много интереснаго, живаго, но разсказъ не оконченъ и не вѣстно, чѣмъ онъ окончится; но крайней мѣрѣ мы затрудняемся что-либо сказать о дальнѣйшемъ, имѣя въ виду его манеру изложенія, напоминающую манеру г. Чехова въ его «Огняхъ»,

Зверобой.

См. 7-й раз.